

ДИАЛОГОВАЯ СПОСОБНОСТЬ ВООБРАЖЕНИЯ

Императив понимания обрекает мудрость вечно сталкиваться с проблемой представления. Ее, дружески расположенную к «этой-вот Речи сущей вечно», «вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать, и выслушав однажды» (Гераклит, фр.1). Если не считать математику, которая *more geometrico*, исключила из своего предмета проблему представления, то существует, по крайней мере, две стратегии, «упрощающие» понимание. Первая превращает «философию» в орудие воспитания «понятием», что позволяет не думать, а заниматься дисциплиной. Это непременно оборачивается борьбой за чистоту рядов и, скорее, еще более отдаляет от понимания. Другая, довольствуясь интуицией, приводит к тому, что понимание исходит откуда-то извне и уже не имеет отношения к «этой-вот Речи сущей вечно». В то же время еще Хайдеггером был сформулирован своеобразный «закон уместности бытийно-исторической мысли», требующий строгости, тщательности – внимательности не только к слову, но и к букве, в которых чеканится мысль. Цель такой внимательности не в том, чтобы обладать миром *in terminum* или «освободиться» для интуиции, но пребывать в точках созерцания, в которых возвращается время.

Шествуя по уже указанному пути, Деррида задерживает свое внимание: «Итак, я буду говорить о букве. О первой, если уж полагаться на алфавит и большинство спекуляций, которые рискнули от него отталкиваться». С этого вот 'a' рискнул начать представление не только Деррида. Но и Лакан, чей «*objet a*» также разыгрывается только на сцене и видим как украшение (*a[galma]*), которое метит связку с Другим. И Хайдеггер, истина которого предстает как *a;lhqw]n*. Это вот 'a' ничего не сообщает, не шлет послание, но лишь ставит себя в промеж различия и откладывания, «Я» и «Другого», тайны и непотаенного.

Трудности, присущие такому представлению, служат доказательством того, что оно является формой литературы. В то время как в устной речи говорящий подкрепляет отдельные предложения тоном голоса и мимикой, соединяя их в единстве сказанного, на письме видимое 'a' – орфографическая ошибка, перемена блюд, сопровождаемая возлиянием и пением хвалы богу, позитивное утверждение – заставляет остановиться, возвратиться и шествовать по-другому, иначе. Разрушая упорядоченность,

возвращение вызывает изумление, вносит переломы, испещряет перипетиями длительность сказывания. Детонируя его распад на отдельные эпизоды, в возвращении открывается возможность явления единства – возможность понимания.

Возможность в ее собственном смысле может быть понята лишь тогда, когда она принимается как возможность (открытость возможностей) и как таковая сохраняется. Сохранить же возможность означает поддерживать почтительное, оберегающее – заботливое отношение к потаенности мира в его бесконечности. Забота, ухаживая, способствует, открывает возможности и, тем самым, освобождает пути для полноты раскрытия того, что уже есть, но стремится принять подлинно новый облик. В этой связи суть заботы заключается вовсе не в операциях и манипуляциях по извлечению или доводке, но в обращении к тому, что уже дано, и споспешествовании ему в обретении подлинного облика.

В движении возвращения видимое 'а' не вещь, но граница иного. Эта граница, положив конец и интуиции, и праву понятия, видится и слышится в промежутках и отклонениях. Речь идет не о перерывах, случающихся в процессе, но о вечности остановки, имманентной бесконечной длительности процесса – вечности, которой нет вне пути становления. На этой границе, в необходимости возвращения вечного, как это видится в уже цитированном изречении Гераклита, жизнь находит свой удел.

Это вот 'а' является паролем для перехода и пребывания в уделе: мерит действие сопряжения отдельно стоящего, придавая последнему силу. Силу божественную, дарованную Зевсом. Что и позволяет именовать такое мерное действие сопряжения диалогом, оттого что причиной «собираания» является огненная сила Зевса.

В своих драматических по форме произведениях Платон именно в диалоге представляет жизнь своих современников, и им же рисует подробности происходящей беседы. Не показательные выступления, не споры, не логические ловушки, а диалог, в коем предоставляется место истине и добродетели, является настоящим героем платоновских представлений. Для него самого исключительно диалоговая форма представления становится адекватной выражению жизни и мысли. Диалоги Платона оттого и являются первым опытом и образцом «открытого произведения».

Диалоговая форма представления, в которой является и чеканится мысль, означает то, что философия всегда предполагает нечто префилософское и даже нефилософское. По определению Делеза, «префилософское» не означает чего-либо предшествующего, а лишь нечто несуществующее вне философии, хоть и предпо-

лагаемое ею. Нефилософское, возможно, располагается в самом сердце философии, еще глубже, чем сама философия, и означает, что философия не может быть понята лишь одним философски-концептуальным способом, что в сущности своей она обращается и к нефилософам». Диалог и есть тот «план имманенции», в котором творятся концепты, рассеянные в «нефилософском». Та мудрость, которая «обособлено» (*kecwrismenon*) пребывает в единстве рассеянного и его кристаллизации в понятии. «Обособлено» – не трансцендентно, но «схематично» – как «скрытое в глубинах человеческой души искусство», «продукт и как бы монограмма чистой способности воображения a priori» (Кант).

Воображение начинает свой полет в откровении россypi множества подробностей и делает мир полнее: расширяет реальность все новыми и новыми измерениями подробностей, доставляя ей глубину. В форме вымысла (фантазии, аллегории, метафоры и т.п.) в воображении находит свое выражение амплифицированная реальность, которая позволяет видеть жизнь в ее полноте, изменяя саму жизнь. Эта «способность воображения» характеризуется Кантом в своей двойственной структуре. Она разом является и воспринимающей различные подробности, и творящей, рассудочной «способностью». В этом «разом» заключен переменчивый, амбивалентный – временной характер «способности воображения». Ее своеобразное «беганье» между чувственностью и рассудком представляется как временность сопряжения подробностей. Такая временность, в которой спрягается преизбыток подробностей, и определяет диалоговое представление, где движение жизни и мысли (мудрость) ставятся в единстве, открывая возможность понимания.

О.Г. ШАПОВАЛ
(Харків)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: УКРАЇНА – ФРАНЦІЯ (Проблема сучасних перекладів філософської прози)

В сучасній культурології найбільш продуктивною формою культурного співіснування визнана діалогова взаємодія. З діалогом культур пов'язані ідеї еволюції, реформації й оновлення європейської культури, а в українській культурі, крім того – проблема самоідентифікації. Проте, радість читача з приводу виходу друком довгоочікуваних українських перекладів філософської прози французького філософа, одного з засновників